

Такім чынам, аднакампанентныя беларускія эканамічныя тэрміны складаюць 57 % ад агульнай колькасці тэрмінаў у слоўніку, з іх (з аднакампанентных тэрмінаадзінак): 63 % – запазычанні, 26 % – спрадвечнабеларускія тэрміны, 6 % – сінонімы, 3 % – калькі, 2 % – неалагізмы.

Актыўная тэрмінатворчая дзейнасць 20-х гадоў і выданне “Слоўніка бухгалтэрскае тэрміналогіі” не толькі дазволіла забяспечыць патрэбы ў беларускіх тэрмінах для сістэмы адукацыі, але і мела кумулятыўны эфект, паколькі спрыяла далейшай распрацоўцы спецыялізаванай беларускамоўнай літаратуры для забеспячэння патрэб розных сфер грамадскай дзейнасці.

У навуковай літаратуры прыводзіцца абгрунтаванае меркаванне, што нацыянальны тэрмінатворчы працэс павінен балансаваць паміж нацыянальна арыентаванай і міжнароднай уніфікацыйнай тэндэнцыямі. Толькі пры захаванні балансу паміж гэтымі дзвюма тэндэнцыямі беларуская нацыянальная тэрміналогія зможа паспяхова абслугоўваць сферу эканомікі.

Бібліяграфічны спіс

1. Бажкова, М. І. Аб некаторых лексіка-семантычных працэсах на пачатку фарміравання сістэмы беларускай эканамічнай тэрміналогіі / М. І. Бажкова // Этнокультурный и социолінгвістыческий аспекты в теории и практике преподавания языков в негуманитарных вузах: сборник научных статей / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский национальный технический университет. – Минск, 2010. – С. 290–296.
2. Баханькоў, А. Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд / А. Я. Баханькоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 230 с.
3. Беларуская навуковая тэрміналогія = La terminologie scientifique Blanche-Ruthénienne : [слоўнік]. – Вып. 17 : Слоўнік бухгалтарскай тэрміналогіі: расійска-беларускі слоўнік : праект / Інстытут беларускай культуры, АДДЗел гуманітарных навук, Інстытут навуковай мовы. – 1928. – 71 с.
4. Гапоненка, І. А. Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І. А. Гапоненка. – Мінск : БДУ, 2012. – 307 с.
5. Лукашанец, А. А. Калькі / А. А. Лукашанец // Беларуская мова : Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; Пад рэд. А. Я. Міхневіча; Рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 245–246.
6. Любецкая, К. П. Беларуская гаспадарча-эканамічная тэрміналогія XX ст.: крыніцы фарміравання, шляхі ўпарадкавання / К. П. Любецкая // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 15–16 красавіка 2008 г. – Мінск, 2008. – С. 278–282.
7. Шакун, Л. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства : вучэбн. дапаможнік / Л. М. Шакун. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 271 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В АРХИТЕКТУРНОМ КОДЕ КУЛЬТУРЫ

Н. С. Протасеня (Минск, Беларусь)

Проблема воплощения культурной информации в языковом знаке исследуется учеными разных направлений: в семиотике (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский), в этнолингвистике (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Е. Бартминский, Е. А. Березович), в лингвострановедении (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин), когнитивной лингвистике (Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова), во фразеологической семантике (В. М. Мокиенко, Г. В. Токарев, В. И. Зимин). В настоящее время установление и описание культурных кодов в рамках лингвокультуроло-

гического анализа является одним из самых перспективных направлений. Важнейшим объектом лингвокультурологического исследования выступают фразеологические единицы, которые являются национально-культурным специфическим выражением культурного знания. Фразеологизмы, по мнению В. Н. Телия, это «наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, способные выполнять функцию «знаков» языка культуры – иной знаковой системы, нежели естественный язык» [1, с. 6].

Архитектурный код культуры занимает одно из центральных мест в любом национальном пространстве, соответственно анализ и сопоставление фразеологических единиц данного кода позволяют выявить национально-культурную специфику русской, белорусской и китайской языковых картин мира.

В данной статье объектом исследования является воплощение архитектурного кода культуры в русских, белорусских и китайских фразеологизмах, содержащих лексемы стена/сцяна/墙/壁. Источниками языкового материала послужили «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [2], «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко [3], «Большой словарь русских пословиц» под ред. В. М. Мокиенко [4], «Большой словарь русских народных сравнений» под ред. В. М. Мокиенко [5], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» І. Я. Лепешава [6], «Тлумачальны слоўнік прыказак» І. Я. Лепешава [7], «Слоўнік беларускіх народных параўнанняў» Т. В. Валодзінай [8], 中华成语辞海, 主任陈霞村 («Китайский фразеологический словарь Цыхай» гл. ред. Чэнь Сяцунь) [9], 谚语大词典, 高歌东主编 («Большой словарь пословиц» гл. ред. Гао Гэдун) [10], 俗语大词典, 温端政主编 («Большой словарь поговорок» гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн) [11]. В качестве дополнительных источников использовались: 汉语惯用语新解, 周培兴主编 («Новое толкование устойчивых выражений китайского языка» гл. ред. Чжоу Пэйсин) [12], 成语大词典 («Большой словарь чэньюев») [13].

Фразеологизмы как единицы архитектурного кода культуры могут фиксировать различные фрагменты опыта, в том числе связанные с интерпретацией характеристик человека. В трёх лингвокультурах отмечаются фразеологизмы, основанные на образной аналогии «стена – человек». В данной семантической группе мы выделили несколько подгрупп, содержащих оценку: а) внешности человека; б) его физических качеств и способностей; в) черт характера, моральных и деловых качеств; г) интеллектуальных данных и интеллектуальной деятельности; д) эмоционально-психологических характеристик.

Внешность человека. При характеристике внешности в русском языке в образе стены кодируются как привлекательные, так и непривлекательные черты, в белорусском – только непривлекательные, в китайском – только привлекательные. В русском языке в рамках этой группы единиц образ стены обнаруживает амбивалентность, связанную с такими признаками объекта «стена», как широта и цвет (белая, белёная стена типична для жилых строений в древней и старой Руси). Положительная оценка внешности женщины отражена во фразеологизме стенами не уже и платьем не хуже (о полной, крепкой, здоровой, красивой женщине по сравнению с другой). В русской традиционной культуре признак умеренной и здоровой полноты входит в число эталонных представлений о женской привлекательности. Этим объясняется образная аналогия «женская фигура – широкая стена». Отрицательная оценка внешности воплощена в образном сравнении стать как человеческая стенка – о похудевшем и побледневшем от тяжелых переживаний человеке [5, с. 658]. В китайской лингвокультуре человек высокого и крепкого телосложения также образно уподобляется стене как самой мощной и крепкой части строения: 一堵墙 ‘высокий, здоровый человек или домашний скот’ (букв. ‘одна стена’).

В русском и белорусском языках представление о болезненном состоянии, проявляющемся в бледном цвете лица, фиксируется метафорическим сравнением с белой стеной: рус. белый/бледный как стена/стенка; как белая стенка – о смертельно бледном (от приступа болезни, страха, неожиданной неприятности и т. п.) человеке, побледнеть/побелеть как стена/

стенка – о внезапно побледневшем, побелевшем в лице (от приступа болезни, страха, неожиданной неприятности) человеке; бел. белы/бляды як сцяна с тем же значением.

Физические качества и способности человека. В восточнославянских лингвокультурах стена выступает как образ сравнения при оценке такой физической особенности человека, как глухота. Ср. русск. как стена – о глухом человеке, глухой как стенка; глухой как стенка-ма-тушка [5, с. 657]; бел. глухі як сцяна – пра зусім глухога чалавека [8, с. 418].

Черты характера, моральные и деловые качества. Фразеологизмы данной группы в большинстве своем основаны на уподоблении стене того, кто/что служит надёжной защитой от трудностей и опасностей внешнего мира. Стена выступает эталоном абсолютной защиты, надёжности и верности человека: русск. как на каменную стену (надеяться) ‘надеяться, положиться на кого-л.; быть уверенным в содействии, помощи кого-л.’; как за каменной стеной ‘под надёжной защитой, спокойно’; [можно] надеяться/понадеяться/полагаться/положиться как на каменную стену ‘о полной уверенности в содействии, помощи, защите кого-л. очень надёжного’; бел. спадзявацца, апірацца і пад. як на каменную сцяну/гару ‘поўнасьцю, цалкам (спадзявацца і пад. на каго-н.)’; жыць як за каменнай сцяной/гарою; кит. 铜山铁壁 ‘сильный человек, на которого можно положиться’ (букв. ‘медный рудник, железная стена’). Ср. противоположную по значению китайскую пословицу 墙底下不是避雨处 ‘нельзя полагаться на неспособного человека’ (букв. ‘[место] под стеной не укрытие от дождя’). Стена как эталон прочности может участвовать в кодировании сильных деловых качеств человека: 一面墙能挡八面风 ‘один человек может справиться с разными делами’ (букв. ‘одна стена может защищать от ветра, дуящего со всех сторон’).

В восточнославянских лингвокультурах фразеологизмы с подобной образной основой обычно используются по отношению к мужчине и связаны с древнейшим архетипическим противопоставлением «мужчина – женщина». Аналогия «за мужем – за каменной стеной» раскрывает сложившиеся в традиционном обществе роли и функции, которые отводятся мужчине и женщине в семье. На мужчину возлагается обязанность обеспечить защиту, безопасность, материальную и духовную поддержку: (жить) за кем как за каменной стеной; (жить) за кем как за городской стеной; за кем как/что за каменной стеной/стеною ‘о чьей-л. спокойной, беззаботной, обеспеченной жизни под надёжной защитой кого-л., благодаря чьему-л. вниманию’; (чувствовать себя) за кем как за каменной стеной ‘об ощущении уверенности в стабильности своего положения благодаря чьей-л. защите, поддержке, вниманию’; за мужыковой спіной як за сцяной; сядзець як за каменнаю сцяною ‘пра жанчыну, якая вельмі бяспечна жыве замужам’; быць, жыць і пад. як/што за каменнай/мураванай сцяной ‘пад надзейнай аховай каго-н., спакойна’.

Реже с образом стены, которая может выполнять функцию опоры или преграды, ассоциируются другие представления о качествах человека, в том числе социально неодобряемых: кит. 破壁燎火 ‘иметь моральные принципы’ (букв. ‘пробить стену, зажечь огонь’); 扶墙摸壁 ‘слабое, заурядное мнение и точка зрения’ (букв. ‘держаться за стены’); рус. ходить стеной ‘об угрюмом, неразговорчивом, молчаливом человеке’ [5, с. 657].

Интеллектуальные данные и интеллектуальная деятельность. В русском и китайском языках лексемы стена/墙, 壁 задействованы в образной номинации оценок/характеристик умственной и интеллектуальной деятельности человека. Так, в основе создания образного сравнения как/что стенка ‘об очень глупом, бестолковом человеке’ лежит окультуренное измерение низкого интеллекта путем уподобления непонятливости человека непроницаемости стены.

Высота стены служит мерой качественной характеристики умственных способностей человека. Так, в китайской языковой картине мира талант и высокая эрудиция человека метафорически уподобляется возвышенности, недостижимости, величю и могуществу стены: 壁立千仞 ‘талантливый и добродетельный человек’ или ‘энергичный стиль письма’ (букв. ‘стоять

стеной высотой в тысячу жэней’); 宮牆重仞 ‘глубокие знания учителя, которые невозможно сразу достичь’ (букв. ‘дворцовая стена в несколько жэней’).

Представление о стене как знаке, маркирующем социальный статус человека и его интеллектуальные данные, легли в основу китайского фразеологизма 牆高基下 ‘хотя положение высокое, но добродетель и талант заурядные’ (букв. ‘под основанием высокой стены’). В основе фразеологизма лежит оппозиция «верх – низ». Высокое социальное положение уподобляется высокой стене, а низкие способности и нравственность человека через «пространственную» метафору уподобляются нахождению под стеной. Социально-иерархические смыслы представлены также во фразеологизме 牆上泥皮 ‘низкий (по происхождению) человек или бесполезная вещь’ (букв. ‘штукатурка на стене’).

В образной основе паремии 死狗扶不上牆 ‘беспольный человек, которому нельзя помочь продвигаться вперёд’ (букв. ‘дохлая собака стену подпереть не может’) компонент 牆 ‘стена’ соотносится с архитектурным кодом культуры, а компонент 狗 ‘собака’ – с зооморфным. В пословице семиотизируется идея абсолютной непригодности человека. Эта же идея отражена во фразеологизме 朽木糞牆 ‘о человеке, из которого не может получиться ничего путного, не поддающемся никакому воспитанию’ (букв. ‘гнилое дерево (по которому нельзя резать узор) и глина с навозом (стены из нее не поддаются отделке)’). Образ фразеологизма создаётся метафорическим уподоблением воспитания человека резьбе по дереву и отделке стены до идеальной гладкости; трудная обучаемость человека – плохому качеству материала.

Стена, как упоминалось выше, является границей между «внешним» и «внутренним» пространством. Человек, который не видит мир за пределами стен своего дома, оказывается «запертым» в пределах своего «внутреннего» пространства, не имеет представления о том, что происходит за его границами. Ср., кит. 面牆而立 ‘необразованный человек’ (букв. ‘встать лицом к стене’); 觸事面牆 ‘стоять, повернувшись лицом к стене, ничего не знать’ (букв. ‘сталкиваться с происшествием, повернуться лицом к стене’). Образ стены в данных фразеологизмах кодирует отгороженность от внешнего мира – таким способом фразеологизм характеризует недалёковидного человека с ограниченным кругозором и интеллектуальными способностями.

Эмоционально-психологические характеристики человека. Стена, как наименование важнейшей конструкции дома, используется во фразеологизмах русского и белорусского языков, обозначающих эмоциональное и физическое состояние, настроения, чувства человека. Ср.: русск. лезть/полезть на стену/на стенку, кидаться на стену ‘приходить в крайнее раздражение, исступление’; биться об стену ‘приходить в отчаяние от горя, неудач, ошибок’; бел. лезці/палезці на сцяну ‘пачаць крайне ўзрушацца, раздражняцца, злавацца’. Очевидно, что в данном случае архитектурный код взаимодействует с акциональным и обозначает интенсивную эмоцию, с негативно-оценочными характеристиками. В русском языке также обнаружена одна фразеологическая единица, описывающая состояние удивления: стечь по стенке ‘сильно удивиться, изумиться’.

Будучи символом препятствия и невозможности выхода наружу, лексема стена в составе фразеологизмов русского и белорусского языков служит для наименования такого эмоционального состояния человека, как безнадежность, невозможности сделать что-либо, чтобы выйти из затруднительного положения: русск. хоть на стенку лезь ‘о состоянии отчаяния, бессилия при невозможности что-л. предпринять в сложной, безвыходной ситуации’; биться об стену ‘приходить в отчаяния от горя, неудач, ошибок’; хоть головой об стену бейся ‘о тяжёлом; безвыходном положении кого-л.’; бел. хоць галавой аб сцяну біся ‘выказванне безнадзейнасці, немагчымасці зрабіць што-н., каб выйсці з крайне цяжкага становішча’.

Образная парадигма, связанная с лексемой стена, отражает представление, в котором разделяющая функция стены ассоциативно связана с состоянием человека, пребывающего в тоске, унынии, разочаровании. Это представление реализовано в образных единицах русского и китайского языков: стены съедают ‘о тоске, скуке одинокого человека’, кит. 呵壁问天

‘разочарованный, беспомощный ученый, не прекращающий сетовать на мир’ (букв. ‘выговаривать обиды стене и вопрошать Небо’).

В русском языке образ стены используется для описания тяжелого физического состояния человека, испытывающего сильную боль: хоть по стенам вешайся ‘о состоянии сильной боли’ [3, с. 641].

На высокую интенсивность чувства стыда указывают такие фразеологизмы русского языка, как стыдиться стен ‘испытывать необыкновенно сильное чувство стыда’, стенок стыдно ‘о сильном чувстве стыда, смущения’. В русской фразеологической картине мира стена выступает и как стереотипный показатель низкого духовного и морального состояния человека: добиться до той стенки ‘морально опуститься, спиться’ [3, с. 642]. В «Большом словаре русских народных сравнений» отмечены негативно-оценочные единицы ползти как удав по мокрой стенке / ползти как уж по мокрой стенке ‘о человеке, испытывающем показное наслаждение, удовольствие’ [5, с. 658].

Стена выступает и как стереотипный показатель интенсивности физического состояния человека: русск. пьян, так пробирайся по стенке; бел. напіўся – як галавой аб сцяну пабіўся ‘пра моцны галаўны боль пасля п’янкi’.

Проведенный анализ позволил выявить национально-культурную специфику реализации архитектурного кода культуры во фразеологизмах трёх сопоставляемых языков. Обнаружены закономерности в активности лексем стена/сцяна/牆/壁 в рамках выделенных тематических подгрупп. Так, в русском и белорусском языках компонент стена используется преимущественно во фразеологизмах, содержащих оценку и характеристики внешности человека, черт его характера, моральных качеств и эмоционального состояния. В китайской лингвокультуре образ стены участвует преимущественно в кодировании оценок умственной и интеллектуальной деятельности человека.

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / авт.-сост.: И. С. Брилева [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс : Книга, 2006. – 781 с.
2. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : более 35000 фразеол. единиц : [в 2 т.] / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Флинта : Наука, 2004. – Т. 2 : П–Я. – 830 с.
3. Большой словарь русских поговорок : более 40000 образ. выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений : большой объясн. словарь : более 45000 образ. выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 798 с.
6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : каля 7000 фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 2 : М–Я. – 702 с.
7. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
8. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў : [больш за 8000 параўн. выразаў рознага тыпу] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; уклад.: Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук. рэд.: В. М. Макіенка. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 482 с.
9. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙 : 湖南教育出版社, 2013. – 1796 页. (Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во просвещения Хунань, 2013. – 1049 с.).
10. 谚语大词典 / 高歌东主编. – 2版. – 成都 : 四川辞书出版社, 2022. – 1049 页. (Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. – 2-е изд. – Чэнду : Изд-во Сычуан. слов., 2022. – 1049 с.).

11. 俗语大词典 / 温端政主编. - 北京 : 商务印书馆, 2015. - 2522 页. (Большой словарь поговорок / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. - Пекин : The Commercial Press, 2015. - 2522 с.).
12. 汉语惯用语新解 / 周培兴主编 [等]. - 青岛 : 青岛海洋大学出版社, 1995. - 1276 页. (Новые толкования устойчивых выражений / гл. ред. Чжоу Пэйсин [и др.]. - Циндао : Изд-во Циндаос. океан. ун-та, 1995. - 1276 с.).
13. 成语大词典: 彩色本/《成语大词典》编委会编. - 2版. - 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2013.1 (2014.8重印). (Большой словарь чэньюев: Цветное издание/ Большой словарь чэньюев. Редакционная коллегия.- второе издание.- Пекин: Международная компания с ограниченной ответственностью, Коммерческое издательство. 2013 год (2014 год переиздание).

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА В СВЕТЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЛИНГВИСТИКИ

Н. В. Пятаева, А. С. Окрут, С. Ю. Смоликова (Минск, Беларусь)

Современную науку отличает системно-структурный подход к явлениям объективного мира, который предполагает рассмотрение его как некоего целого, включающего части, единицы и элементы, связанные определёнными отношениями, формирующими структуру данного целого – системы. Людвиг фон Бергаланфи [2] рассматривал общую теорию систем в качестве программы междисциплинарного синтеза научного знания, трактуя её как новую науку о целостности, онтология и методология которой ориентируются на аристотелевский «организмический принцип», выражаемый в краткой формуле: «целое – больше суммы своих частей» [1, с. 183].

Специфика системного подхода наиболее ярко проявляется в контексте комплексных научно-технических дисциплин, связанных с познанием, конструированием и управлением эволюционирующими сложными (сверхсложными) системами. В естествознании такие системы исследуют астрономия, физика, геология и география, биология, экология, информатика. Следующий шаг – распространение системного видения мира на изучение антропосоциокультурных объектов, которые отличаются от живых (не созданных человеком) организмов, во-первых, особым – культурным – характером функционирования – целенаправленным, духовно-регулируемым, свободным (поэтому нелинейным), во-вторых, тем, что их функционирование перерастает в развитие, что позволяет наряду со структурной и функциональной включить в методологию системного исследования историческую (или динамическую), генетически-прогностическую линию анализа системы.

Система – наиболее высокоразвитый тип целого, «целостный комплекс взаимосвязанных элементов, образующих особое единство со средой; как правило, любая система представляет собой элемент системы более высокого порядка, а элементы любой системы, в свою очередь, обычно выступают как системы более низкого порядка» [4, с. 12]. В современной философии сложилось представление о закрытых и открытых системах, последние из которых имеют большее распространение. Главная отличительная особенность открытой системы состоит в том, что «при соответствующих условиях открытая система достигает состояния подвижного равновесия, в котором её структура остаётся постоянной, но в противоположность обычному равновесию это постоянство сохраняется в процессе непрерывного обмена и движения составляющего её вещества» [2, с. 42]. Обобщая, можно констатировать, что антропосоциокультурные объекты – это иерархически организованные открытые системы, сохраняющие себя или развивающиеся в направлении достижения состояния подвижного равновесия.